

Николай ДВОРЦОВ,
Валентин ПИВОВАРОВ

КРЕПОСТЬ В ТЫЛУ ВРАГА*

Очерк

ПО МЕСТАМ ПАРТИЗАНСКИХ БОЕВ

Дорога идет по-над бором. Справа до самого горизонта раскинулся зеленый ковер всходов пшеницы. Часто встречаются большие озера, поросшие у берегов камышом.

А вот и Волчиха. Это районный центр, большое и красивое село, конечный пункт нашей командировки. Здесь расположились: МТС, авторота, зерносклады, заводы пищевой промышленности.

В райкоме партии мы встретились с Константином Андреевичем Мамонтовым, родственником Ефима Мефодьевича, высоким и сухощавым пожилым человеком в очках, с палочкой в руках. Константин Андреевич держится прямо, ходит уверенно, хотя видит очень плохо. В партизанской армии он командовал ротой «Спасения революции», был все время вместе с Ефимом Мефодьевичем, и поэтому побеседовать с ним для нас было крайне интересно. Сейчас Константин Андреевич на пенсии.

Едва мы начали беседу, как работник райкома партии т. Магер представил нам седеющего, но крепкого старика:

— Это Терентий Кузьмич Сериков, бывший командир эскадрона партизан.

Мы познакомились и пригласили его принять участие в нашей беседе.

* Очерк написан на основе бесед с участниками партизанских боев на Алтае. Кроме того, авторы использовали некоторые факты из архивных документов, а также находящиеся в архиве краевого музея рукописные воспоминания члена главного штаба партизанской армии т. Глазкова и командира роты «спасения революции» т. К. А. Мамонтова.

Нас четверо — представители двух поколений. Мы немного волнуемся — хочется услышать и записать не только главное, но и самые мелкие подробности, понять двух людей того времени. Сумеем ли? Но разговор завязался совершенно неожиданно.

— А ведь Терентий Кузьмич — полный георгиевский кавалер, — сообщил нам Мамонтов.

Терентий Кузьмич несколько смущенно подтверждает, но тут же оговаривается:

— Осталось-то всего два креста.

— А остальные?

— В 1918 году, когда ехал из армии в отпуск домой, отдал золотой и серебряный кресты в фонд революции. Тогда многие так делали.

И Терентий Кузьмич начинает рассказывать свою интересную биографию — возвращение в родные места, участие в партизанах.

— На этом месте, где мы сейчас с вами толкуем, была когда-то церковь, а вот там на пригорке — волостное управление. При ней — каталажка. Ефим Мефодьевич не раз освобождал из нее наших товарищей. Сейчас в этом доме детский сад.

Мы стоим у окна. Со второго этажа хорошо видно село.

— А вот тот кирпичный дом, под зеленою крышей — принадлежал купцу Чернову. Расстреляли гада. Предатель первой гильдии был. Немало наших товарищей выдал колчаковцам.

Из окна видны двухэтажная средняя школа, магазины, недавно разбитый сквер, Дом культуры.

Беседуем долго. Ветераны гражданской войны, хотя и пристали, но держатся бодро и охотно рассказывают все, что нас интересует. Память у них оказалась, к счастью, удивительно цепкой.

— В Вострово будете, заверните обязательно к Копанию, нашему комиссару. Тот расскажет еще больше, а Гавриле Рудеву передайте привет, лучший рубака роты, — напутствует нас на прощанье Константин Андреевич.

К вечеру мы направились в Вострово, село, где жил Ефим Мефодьевич Мамонтов. Вместе с нами поехал и работник райкома партии Михаил Кириллович Магер, уроженец здешних мест, бывший учитель, прекрасно знающий почти всех жителей района. Своими рассказами он также помог нам.

На пути в Вострово мы обогнали дрожки.

— Да это, кажется, Копань! — воскликнул Магер.
Машина остановилась.

— Анисим Леонтьевич, а мы к вам, — сказал Магер.

Копань поздоровался с нами. Это был невысокого роста человек с седыми усами. Из-под фуражки с лакированным козырьком смотрели проницательные глаза, правый, когда Копань переводил взгляд, как-то странно подергивался. Движения Копания бы-

ли неторопливы, да и слова были расчетливы, точны. В этом мы убедились впоследствии.

Встречу назначили на вечер в доме Копаня.

Село Вострово своими огородами упирается в бор. В центре села — клуб, магазины, средняя школа, утонувшая в белой пене яблоневого цвета. Возле клуба два памятника погибшим в борьбе за Советскую власть.

Местный колхоз назван именем Мамонтова.

Озеро разделило село пополам. Одна часть, бывшие выселки, когда-то застроенная главным образом переселенцами из центральной России, называлась Кукуй. Название это, видимо, она получила потому, что жили здесь люди победнее, батраки. Оно, к сожалению, бытует и сейчас. Дом, где жил Е. М. Мамонтов, был сожжен колчаковцами. Мы посмотрели только место, где когда-то он стоял.

До приезда Копаня мы побывали в школе, затем зашли к Рудеву, бывшему партизану роты «Спасения революции». Гавриил Моисеевич Рудев живой, разговорчивый человек. Смеется он до сих пор молодо, заразительно. За какие-то полтора часа он рассказал нам несколько случаев, причем откровенно подтрунивал над собой, когда заводил речь об отступлениях, случавшихся неудачах партизан. Гавриил Моисеевич также безобидно сказал между прочим и о том, что до сих пор он не имеет партизанской книжки. Факт, безусловно, печальный.

К Копаню мы пришли, когда уже солнце закатилось. Он занимался хозяйственными делами. И здесь наглядно проявился характер человека. Во дворе чувствовался порядок, каждой, даже мелкой вещи, было определено свое место.

Мы уселись на бревна, закурили, разговаривая на будничные темы. Затем изложили цель своего приезда, и Анисим Леонтьевич как-то сразу легко перешел к рассказу о далеком прошлом. Он помнил десятки фамилий, давал характеристику каждому человеку, помнил даты, места боев, различные эпизоды из боевой жизни партизан.

И в эту летнюю ночь под зеленый шум бора перед нами встали картины прошлого. Ожили люди, крепко уснувшие под памятниками славы, загорелись партизанские костры, забряцало оружие, и степь наполнилась всадниками с самодельными пиками.

РОЖДЕНИЕ ОТРЯДА

Большие события, происходившие в центре России, до Алтая доходили поздно. Раненые солдаты, вернувшиеся с фронта в Вострово, говорили, что царя свергли уже полгода назад, а в Волчихе все еще хозяйничала земская управа. Революционные бури проходили стороной, но они все-таки волновали умы крестьян.

В начале 1918 года земская управа была упразднена. В волостном центре Волчихе избрали Совет. Возглавил его Алексей Гребнев. Но в мае контрреволюция всех мастей подняла в Сибири голову. Советы, полюбившиеся бедноте, были разогнаны, и на селе появилась новая власть — волостная дума. Организаторы Советов: моряки Анисим Копань и Терентий Прилепа, фронтовики Ефим Мамонтов и Иван Малышенко и другие стали скрываться на заимках, в бору, куда боялась заходить милиция.

Смысль этих событий и преобразований тогда еще не был понятен всем. Сменилось три власти. Менялись деньги, а купцы были все те же; менялись флаги, а богачи давили на бедноту. Надоела война, надоели налоги в пользу ее. Но востровские мужики были довольны, что огонь гражданской войны полыхает где-то, а не у них.

— Пусть воюют, авось, нас не коснется. Живем, слава богу, с хлебушком. А нас, паря, не тронь, и мы не тронем никого, — рассуждал какой-нибудь бородач.

Но вот в село пришел красногвардейский отряд Петра Сухова. На могиле убитого солдата революции Трусова состоялся митинг. И хотя отряд вскоре ушел, пробиваясь с боями в горы, пламенные слова известного командира взбудоражили умы мужиков.

Был конец августа, самый разгар уборки хлебов. И стар и мал находились в поле. И вот в эту-то пору облетела весть, что молодежи двух возрастов надо явиться в волость на призыв в армию.

И покой нарушился. Зашумели мужики, заголосили бабы.

— Не пустим!

— Доколь такое терпеть, этак всех перебьют!

У сельской сборни, что стояла у самого озера, — сотни людей, вернувшихся с поля. Долго спорили, пока не постановили — молодежь в армию не пускать, а в случае насилия дать отпор.

Узнав об этом, вышли из леса Мамонтов, Копань, Гребнев, Прилепа.

Село восстало.

Взбунтовались и соседние села — Солоновка и Малышев Лог.

В Вострово организовался отряд из 60 человек при 25 винтовках. Остальное вооружение — берданки, пики, вилы. Примерно такие же отряды образовались в соседних восставших селах.

Вечером на сходню собрались и партизаны отряда, и жители села. Обсуждался важный вопрос — выборы штаба партизанского отряда. Большевика Прилепу выбрали командиром, а Копаня — комиссаром.

— А кого выберем начальником штаба?

В это время подошел Мамонтов. Как и всегда, он был в солдатской папахе, при сабле и маузере. Гребнев толкнул локтем Копаня: «Давай Ефима!».

Общее собрание села единогласно избрало Мамонтова на-

чальником штаба партизанского отряда. Уж Юшку, как звали Ефима Мамонтова в детстве, первого бойца на кулачках здесь знали все, знали и любили за честность, прямоту, веселый нрав.

Всего в штаб было избрано 11 человек.

Первым делом штаб взял на учет лошадей, продовольствие, фураж. Связались с соседними селами и порешили друг друга поддерживать, выступать против карателей единой силой.

Вскоре от разведки поступило известие: один из отрядов атамана Анненкова подходит к Волчихе, скоро будет здесь. В штабе три мнения — отступать из села, принять бой всем населением, идти навстречу только вооруженному отряду. Ударил колокол, снова собрался народ и порешили всем миром идти на врага. Верховые поскакали в соседние села звать подмогу.

Востровский отряд окопался у моста, а вооруженные винтовками партизаны под командованием Воробьева вышли в бор, чтобы ударить в тыл колчаковцам. Однако бывший прапорщик не собирался отстаивать интересы партизан. Воробьев умышленно поставил под удар укрепившихся у моста безоружных крестьян. Не подошли вовремя и отряды из Солоновки и Малышева Лога. И тогда комиссар Копань отдал приказ отступить и расходиться по домам.

На рассвете в село вошел отряд карателей. Перепороли мужиков, забрали кассу кредитного товарищества и в тот же день ушли, так и не найдя следов руководителей восстания. А штаб отряда в это время находился в бору.

Примерно через месяц, в сентябре 1918 года, в Вострово состоялась ярмарка. Приехали купцы из дальних сел, разбили палатки. Съехалось сюда немало крестьян. И партизаны вернулись к родным домам, чтобы запастись харчами, помыться в бане.

У людей праздничное настроение, кое-где послышались пьяные песни. В доме предателя Воробьева также стоял пьяный шум. Хозяин дома, хватив вместе со своим дружком Баклановым самогону, хвалился, что имеет списки всех партизан и при удобном случае выдаст их властям.

— Смуты будет меньше, — кричал он.

Этот разговор стал известен Мамонтову. Прилепа, Копань и Мамонтов решили убрать предателей, а заодно и четырех милиционеров, прибывших из волости для поддержания порядка на ярмарке. К руководителям отряда присоединились партизаны Яков Брюхань, Иван Малышенко, Степан Махно. Семь человек уже — сила! Милиционеры, увидев вооруженных партизан, бросились наутек, а Воробьева и Бакланова народные мстители захватили в доме. Тут им и пришел конец.

— Так будем поступать с каждым, кто вздумает предать дело революции! — заявил народу Мамонтов.

Была глубокая осень. Белое командование направило в Вострово большой отряд карателей, чтобы покончить навсегда со смутьянами. Мамонтов, Прилепа и Копань, едва не застигнутые

карателями в селе, решили уйти из родных мест. Наступала зима, скрываться в лесу стало трудно. И члены штаба разошлись по дальним селам.

Мамонтов, Прилепа, Копань, Малышенко уехали в горное село Ханхары. Через местного писаря Коростелева достали бланки со штемпелями, изменили фамилии. Только Мамонтов отказался менять свою фамилию. В незнакомом селе жили под видом людей, прибывших на заработки, пилили лес.

В этой глухи партизаны тосковали. Они не знали, что делается вокруг. Однажды на совещании родился план — направить большевика Копана для установления связей с надежными людьми в соседних уездах.

— Купим фунтов десять хмеля, и пусть ездит по селам под видом торгаша, — посоветовал Малышенко.

Так и поступили.

Бывший моряк Балтийского флота, участник июльской демонстрации в Петрограде Анисим Копань, отпустив бороду, двинулся на бричке в далкий и опасный путь. В бумагах значилось, что Колтун Анисим Михайлович торговый человек. Анисим Леонтьевич Копань побывал во многих селах Бийского, Барнаульского, Славгородского уездов, но так и не продал свои десять фунтов хмеля: запрашивал такую цену, что все в один голос отказывались.

Поездка Копана дала возможность установить необходимые связи, а это впоследствии крепко пригодилось.

В ноябре 1918 года верховную власть в Сибири взял адмирал Колчак. Он распустил волостную думу. Эсеры впали в немилость и были недовольны, хотя затем пошли служить под флаг Колчака. С этой вестью Копань возвратился в Ханхары, а вскоре руководители партизанского штаба появились в родном селе.

26 февраля 1919 года штаб проводил заседание на Кукуе. Были здесь и представители из Солоновки и Малышева Лога. Вопрос один: объединить силы и активно выступать против колчаковцев. Заседали всю ночь. Уже рассвело, когда Калиновский, представитель Солоновки, выехал со двора. Уставшие партизаны решили отдохнуть. Мамонтов и Гребнев пошли к Бережному, а Прилепа, Копань остались у Малышенко.

Кто-то из предателей сообщил об этом в Волчиху. Карательный отряд во главе с урядником Кошмарышкиным выехал в Вострово. Кошмарышкин настолько был уверен в успехе, что даже не взял гранаты, которые ему предлагал начальник волостной милиции.

— Я этих вояк голыми руками возьму, — хвалился Кошмарышкин, прославившийся в волости свирепым избиением безоружных крестьян.

Утром отряд карателей был в Вострово. Милиция окружила дом Малышенко. Но «храбрые» белогвардейцы зайти в дом по-

боялись. Они стали стрелять в окна, требуя, чтобы партизаны сдались.

Придвинув к двери ларь с мукой, засевшие в доме партизаны, кое-как одевшись, схватились за оружие.

— А ты, Анисья, сообщи нашим, — сказал Прилепа сестре Мамонтова.

Каратели беспрерывно стреляли. Никифор Прилепа был ранен в правое плечо, Аниким Копань — в глаз. В осажденном доме не тронутыми пулей оставались Иван Малышенко и его жена, да попросившийся заночевать Иван Мироненко, который, лежа под лавкой, стонущим голосом предлагал сдаться:

— Все одно одолеют.

Один из солдат хотел поджечь дом, но у самой стены был убит Малышенко. Жена Малышенко, выскочив из дома, решила бежать на огород, но была задержана Кошмарышкиным.

— Говори, сволочь, сколько их там засело, а не то, — и он ткнул наганом в бок женщины.

Но вдруг урядник покачнулся, странно взмахнул руками и упал. Партизанская пуля вовремя охладила его.

Из соседнего огорода ударил дружный залп из винтовок. Это Ефим Мамонтов, Архип Гребнев и Степан Махно пришли на выручку товарищей.

Ефим Мефодьевич, давно рвавшийся в боевые схватки, весело приговаривал после каждого выстрела:

— А этого не хочешь!

Было убито еще несколько солдат. Белые, увидев, что дела принимают плохой оборот, в панике бросились отступать. С перепугу они даже перепутали дороги и вместо Волчихи поскакали в Солоновку.

Узнав про случившееся в Вострово, уездное колчаковское командование в Славгороде пришло в ярость. Руководить правой вызвался сам атаман Анненков, заслуживший печальную славу в Сибири. В марте 1919 года крупный отряд под его командованием прибыл в Вострово.

В это утро два соседа — Константин Андреевич Мамонтов и Петр Афанасьевич Глобин выехали на санях с Кукуя в кредитное товарищество, которое находилось в центре села. Соседи еще вчера договорились взять там напрокат сортировку, чтобы очистить семена к севу.

Выехав на озеро, отделяющее Кукуй от основной части села, крестьяне увидели верхового, скакавшего навстречу. Всадник осадил коня, склонился, рассматривая сидевших в санях мужчин. При утреннем свете блеснули офицерские погоны.

— Следуйте за мной! — коротко бросил офицер и повернулся лошадь.

— Вот тебе и сортировка, — как-то растерянно промолвил Глобин.

Константин Андреевич Мамонтов начал было заворачивать

коня к дому, но офицер, обернувшись, крепко выругался и еще раз повторил команду.

Сани остановились у сельской сборни. Группа офицеров о чем-то оживленно разговаривала.

— Кого привез? — спросил один из них конвоировавшего офицера.

— Большевиков, — ответил он.

А Мамонтов и Глобин так и не поняли, то ли их конвой шутит, то ли говорит серьезно. Но через минуту они убедились, что с ними не шутят.

— Большевики, говоришь! — угрожающе произнес один из офицеров. Бросив недокуренную папиросу, он подошел к саням и с махом ударил по лицу Мамонтова.

— Так это вы убили Кошмарышкина?

Как разъяренные звери, офицеры набросились на сжавшихся в санях крестьян.

Били долго, кто чем мог. Слово «нет» приводило белогвардейцев в бешенство. И только примерно через полчаса невинных крестьян отправили под конвоем к Анненкову. Однако на квартире сообщили, что атаман выехал к сборне другой дорогой, и сани снова вернулись.

Арестованных ввели в большую комнату, где находились Анненков и около десятка его офицеров.

Анненков, сухой, черный сидел за столом на длинной лавке, строго посматривая из-под насупленных бровей. В допрос он не вмешивался. Не смотрел он и на то, как его подчиненные нещадно били крестьян.

— Где большевики? — задавали они один и тот же вопрос.

И снова побои.

Из разговоров и поведения офицеров было ясно, что они боялись двигаться на Кукуй, к месту жительства Ефима Мамонтова и его сподвижников, думая, что возле моста находится засада. Но партизан в это время в селе не было. Этому известию арестованных белогвардейцы не хотели верить.

Офицеры прекратили побои и послали разведку, когда Глобин и Мамонтов стали терять сознание. Вскоре она вернулась и доложила, что действительно на Кукуе партизан нет. Арестованных Мамонтова и Глобина заперли в каморку, отгороженную тесовой переборкой. Разговор белых им хорошо был слышен.

Совещание открыло Анненков.

— Что делать дальше? — спросил он.

Среди присутствующих находился волчихинский урядник, сын Кошмарышкина, ключевской урядник Ряболов, связанный с партизанами и впоследствии открыто перешедший в отряд Мамонтова.

Предложения выносились разные: одни предлагали сжечь Кукуй, другие — уничтожить всю родню Мамонтова. Наконец, решили сжечь дома и постройки участковавших в разгроме от-

ряда Кошмарышкина, выявить сочувствующих большевикам, двух из них пороть, а третьего — расстреливать.

Началась облава.

Сидевшие под замком Глобин и Мамонтов с тревогой думали о своей участии. Согласно решению анненковцев они должны были остаться живыми, поскольку попали в число двух выпоротых. Но дело может повернуться по-разному. В такой заварухе и пулю получить нетрудно.

— Кто же попадет третьим? — шепотом спросил Глобин своего соседа.

Три дюжих солдата втолкнули в комнату третьего арестованного.

— Да это же Лука Сердюк! — ахнул Глобин.

В щель из каморки была видна вся картина, происходившая в комнате.

Лука Сердюк был почти раздет, бос. Лицо его было изуродовано, и он изредка рукавом нижней рубахи стирал с лица кровь. Волосы на его голове выдранны. Но этого карателям показалось мало. Луку Сердюка начали избивать. Кровавые полосы от плети остались не только на спине Луки, но и на низком потолке. Сердюк потерял сознание. Он тихо стонал, и тело его при каждом новом ударе вздрагивало и трепетало живым мясом. Затем Сердюка вытащили на улицу, и через минуту сидевшие под замком сельчане услышали выстрел. Не стало больше Луки Сердюка, бедного и тихого крестьянина.

Через несколько минут в сборную ввели Иосифа Бережного и Акима Овчинникова. Их тоже избили до потери сознания. Несколько позже был приведен Пахом Овчинников, брат уже избитого Акима. Но, пользуясь случаем, он выпрыгнул в окно и сбежал. Впоследствии братья Овчинники и Бережной вступили, как и тысячи других поротых колчаковцами мужиков, в отряд Мамонтова и были хорошими партизанами.

К полудню белогвардейцы начали поджигать постройки партизан. Запылали дома Ефима Мамонтова, Анисима Копания, Якова Брюханя, Никифора Прилепы, Ивана Малышенко, Архипа Гребнева и других. Дымом затянулся Кукуй. Закричали ребятишки, заголосили женщины. Огонь перебрасывался и на другие дома, но солдаты не давали хозяевам тушить пожар.

Отец Якова Брюханя выскочил из охваченного огнем дома с криком: «Что вы делаете, сволочи!» Но два солдата схватили старика и бросили в огонь.

Каратели особенно усердствовали в семье Ефима Мамонтова. Недалеко от их горевшего дома пороли отца — Мефодия Алымовича, на спине которого не сошли еще струпья от предыдущей порки. Вначале он громко вскрикивал, а затем и перестал стонать. Рядом с ним били младшего сына Григория. Второй дикой порки старик не мог вынести и скончался, а Григорий, потеряв сознание, так и не пришел в него — сошел с ума.

К вечеру белогвардейцы начали сгонять население к сельской сборне. На сходку вывели под конвоем Петра Глобина и Константина Мамонтова. Выступал Анненков. Он призывал выловить всех «извергов большевиков», уничтожить или передать их властям.

Крестьяне стояли, опустив головы. Кто изверги, они теперь поняли.

— Клянитесь же, что вы не позволите большевикам позорить ваше село! — кричал Анненков.

— Клянемся, — слышались жидкые голоса.

Сходка была распущена. Константин Мамонтов, окруженный знакомыми мужиками, воспользовался случаем и сбежал из-под охраны. И если прежде он не поддерживал действия своего родственника Ефима Мамонтова, то с этого дня понял, кто друг и кто враг народа. Простой крестьянин увидел, каким путем надо идти и чьи интересы защищать. Он вступил в отряд партизан и командовал ротой «Спасения революции», показывая пример храбрости.

Выстроившись повзводно, солдаты, одетые в зеленые английские шинели и обутые в американские ботинки, покидали Вострово. Впереди на игривой лошади ехал сухопарый человек с черными нахмуренными бровями, а за ним развевалось черное знамя с надписью «С нами бог! Атаман Анненков».

Зимнее солнце скатывалось в степь. Позади оставалось притихшее и дымящееся село.

А в это время вожаки партизанского движения находились на речке Кормихе. Был март. Падал липкий снег. Отдыхали в стоге сена. Партизаны спали чутким сном, и едва забрезжил рассвет, были уже на ногах.

— А теперь куда? — спросил Прилепа.

— В село Ракиты, сегодня там должна быть ярмарка, — сказал Мамонтов.

— Ну, а дальше?

— Дальше видно будет.

— Нет, Ефим, так дело не пойдет, — вступил в разговор Анисим Копань. — Надо переждать еще месяц. Весной мы сможем создать большой отряд, делать вылазки.

— Драться надо, а не ожидать, — мрачно защищался Мамонтов, хотя и чувствовал, что он в этом случае неправ.

Но как ни спорили партизаны, а в Ракиты решили все-таки заглянуть. Несмотря на непогоду, в этот день в селе было много людно. Бойко шла торговля. На ярмарке партизаны встретили несколько знакомых мужиков, поговорили с ними о том о сем и убедились, что о событиях в Вострово здесь еще не знают.

Неожиданно в густой толпе Мамонтов увидел четырех милиционеров.

— Обезоружить их сволочей! — предложил он товарищам.

Черные его глаза вспыхнули гневом и решимостью. В ожидании ответа бровь поползла вверх.

— Нельзя, Ефим! — отрезал Прилепа.

— Я тоже против, — сказал Копань.

Малышенко и Брюхань колебались. Но большевики Копань и Прилепа стояли на своем.

— И подумать только: 4 винтовки, 4 нагана и 4 сабли сами в руки просятся, а мы не берем, — с горечью вымолвил Мамонтов, махнул рукой и подался с ярмарки.

За ним пошли и остальные. А вскоре, оседлав лошадей, небольшой отряд двигался по дороге на Волчиху. К волостному селу приехали поздно ночью. В лесу спешились. Мамонтов и Копань огородами двинулись к двоюродной сестре Ефима Медведевича. Открыв двери, сестра испуганно шарахнулась назад.

— Юшатка!

— Не бойся, в гости не зайдем, некогда, — усмехнулся Мамонтов. — Ты скажи-ка, есть ли в селе патрули?

Сестра оправилась от испуга и сообщила, что в селе нет ни патрулей, ни караулов, что в волости только одни милиционеры. Отряд Анненкова прошел вчера через село не задерживаясь.

— Ну бывай здорова, сестра, — попрощался Мамонтов, и две тени соскользнули с крыльца и двинулись в лес.

В эту же ночь члены партизанского штаба снова были в Вострово, узнали о тех ужасах, которое испытало мирное население. Мамонтов похоронил отца и ушел на заимку.

Это было время, когда Колчак подходил к Самаре и Перми. Все буржуазные газеты, все белогвардейские листки, захлебываясь от восторга, пророчили быстрое взятие красной Москвы. Колчак обещал, что скоро сорок сороков московских церквей возвестят миру о его победе.

В Сибири белогвардейские отряды и дружинники свирепствовали, всячески пытаясь заглушить недовольство мирного населения. Подчиняясь решению подпольной партийной организации, члены которой находились в Солоновке и Вострово, руководители партизанского движения стали ожидать весны, налаживая связь между близкими селами. Осторожность требовалась еще и потому, что уездное начальство, стараясь во что бы то ни стало захватить партизанских вожаков, обещало населению за поимку каждого из них по 25 тысяч рублей. А предатели могли найтись.

Как-то ночью после поездки в село Глубокое на заимку вернулись Ефим Мамонтов и Архип Гребнев. Их сопровождал третий всадник. Зайдя в избушку и сбрасывая полушибок, Архип Гребнев представил Прилепе и Копанию незнакомца:

— Вот какого человека нашли, Леонтьевич! Башка не то что у нас, устав партии трудовиков писал.

Комиссар пожал незнакомцу тонкую потную руку.

— Гранкин, — сообщил свою фамилию новый человек. Из-под густых бровей прибывшего смотрели настороженно глубоко посаженные глаза. Усы щеткой, шапка, шарф и эти тонкие руки выдавали в нем городского жителя.

Из разговора комиссар убедился, что Гранкин действительно жил в городе Одессе, затем в Харькове, но за революционную деятельность судился, был сослан в Сибирь, а вот сейчас ищет себе дела.

— Дело у нас будет, и даже очень скоро, — пообещал Прилепа.

Дни шли за днями. Март был уже на исходе. В степи на взгорках появились проталины, а в лесу с вершин сосен падали хлюпкие комья снега. Приближалась весна, и настроение скрывающихся партизан поднималось. Но однажды случилось большое горе. В селе Кочки Мамонтов, Гребнев и Гранкин столкнулись с отрядом белогвардейцев. Архип Гребнев был убит четырьмя пулями. Мамонтов, спасаясь от преследования, смог все-таки доставить тело верного боевого товарища в село Вострово. Гибель Архипа Гребнева тяжело переживали партизаны. Вернувшийся же вместе с Мамонтовым Гранкин долгое время носил правую руку на полотенце, иногда стоная и скрипя зубами. И никому было невдомек, что у этого человека лишь на пальце была легкая царапина от пули.

В апреле, перед самым выездом на пашню, отряд партизан состоял из 16 человек. Это были люди, которые твердо убедились в правоте своего дела.

Однажды Михаил Константинов сообщил из Волчихи через своего отца, что он и его товарищи попали под арест, что в волость прибыло 60 солдат при двух пулеметах.

Друзей надо было выручать. Но как? Силой не взять.

— Давай, Егор, одевай зипун, — скомандовал Мамонтов. — Будешь арестованным.

Сам Мамонтов одел офицерскую форму.

Поздно вечером отряд вооруженных партизан выехал в Волчиху. На окопице села дождались рассвета. А когда петухи бойко завели перекличку, партизаны, завязав назад руки Егору Куделину и вымазав ему лицо грязью, осторожно въехали в спящее село. Возле церкви осталась застава, а Ефим Мамонтов и трое сопровождающих его партизан, переодетых в колчаковских солдат, повели «арестованного» Егора Куделина.

Выглянув из-за леса, первые лучи солнца заиграли на окнах волостного управления, стоявшего на пригорке.

Зайдя на крыльце, Мамонтов громко постучал в дверь.

— Спите как всегда, черт вас подери! — прикрикнул он на солдата, приоткрывшего глазок.

Дверь распахнулась. Мамонтов, поддав ногой под зад Егору Куделину, перешагнул через порог и, погрозив действительно спавшему часовому, потребовал от него ключи. Перепуганный

колчаковец суетливо подал связку ключей. Мамонтов и сопровождающие его партизаны прошли мимо спавших на лавках колчаковцев и открыли камеры.

— А ну выходи! — командовал Мамонтов.

Михаил Константинов и его друзья быстро вышли в коридор.

— Выходи на улицу! — Мамонтов подмигнул Константинову. Партизаны скрутили часовых, а отдавший ключи солдат схватился было за винтовку, но тут же выстрелом из маузера Мамонтов открыл дорогу арестованным.

— Быстро к церкви!

В дежурной комнате проснулись солдаты. Выскочив во двор, они начали стрелять. Но было уже поздно. Девять арестованных вместе с партизанами скрылись в лес.

Молва о горстке храбрых партизан быстро облетела соседние села. Крестьяне видели в Мамонтове народного героя, и вскоре многие из них потянулись в Вострово. Но в родные села партизаны заезжали лишь тогда, когда знали, что там нет колчаковцев.

В это же время Мамонтов и его боевые соратники встретились в Черемуховой согре с Игнатом Громовым, который уже в то время был известным руководителем партизанского движения в районе Камня. Долго говорили о том, как организовать большие отряды и действовать против колчаковцев совместными усилиями. Эта встреча сыграла большую роль в последующей борьбе с колчаковцами. Правильность такого решения была подтверждена июльским постановлением ЦК партии большевиков «О сибирских партизанских отрядах». Оно рекомендовало сливать партизанские отряды в соединения и армии, концентрировать командование, переходить от обороны в наступление.

В знак нерушимой дружбы Мамонтов и Громов обменялись оружием.

...Партизаны жили дружной семьей, во всем доверяя друг другу. Лишь Гранкин вызывал у некоторых подозрение, хотя и ничего плохого не сделал за все время пребывания в отряде. Но однажды в конце мая он, где-то крепко выпив самогону, разлагольствовал перед сельчанами о том, что в 1905 году уничтожил чернь и жидов. Виду никто не подал, но вскоре при удобном случае он был застрелен. И вовремя: Гранкин оказался подосланным шпионом, бывшим жандармом в Одессе. Случай этот заставил партизан быть более осторожными, доверяться только проверенным в огне людям. И многие подумали тогда, что смерть Архипа Гребнева при стычке с беляками не была случайной.

В начале июня был избран новый состав штаба отряда из пяти человек. Командиром стал Мамонтов, комиссаром остался Копань, а начальником штаба избрали Прилепу. Были избраны также два командира взвода. Новый штаб установил новый порядок — приказ штаба не доводить до всего отряда, а партиза-

ны должны выполнять приказания своих командиров. Согласия отряда на проведение того или иного мероприятия не требовалось.

— Значит не доверяете нам! — кричали отдельные партизаны. Но вскоре они смирились, поскольку большинство понимало, что такой дисциплины требует сама обстановка.

И еще одно важное решение принял штаб отряда: убрать в соседних селах известных предателей. А такие нашлись в Солоновке и в Волчихе.

В Волчихе особенно усердствовали лесничий Шифелев с дружками Боковым и Ширяевым. Партизаны захватили всех троих в доме лесничества и расстреляли.

Эта весть насмерть перепугала волостную милицию, которая разбежалась, оставив винтовки и два воза охотничьих ружей. Партизаны освободили из тюрьмы 18 человек.

— Чтобы беляки не копались в бумагах, не искали, кого призывать в армию — сжечь архив за десять лет! — скомандовал Мамонтов.

Через несколько минут кипа волостных бумаг весело запылала.

А два взвода партизан с песнями проехали по всему селу.

Зона действий партизан с каждым месяцем расширялась. В июне—июле отряд намного вырос и представлял уже немалую силу. Партизанские разведчики были в десятках сел, находящихся за сотни километров от Вострово. Наладилась связь с Громовым и алейскими партизанами.

Белое командование издало приказ к населению — всех, кто поддерживает партизан продовольствием и фуражом, кто скрывает их — расстреливать. Партизан больше всего поддерживала беднота. А те, кто побогаче, частенько выдавал бедноту колчаковцам. И тогда партизаны изменили тактику — они стали заезжать к тем, кто сочувствовал колчаковцам. Обычно к такому хозяину заезжала во двор двуконная бричка, партизаны прошли пройти пудов пять-десять овса, а заодно и побаловаться чайком. Хозяин, конечно, не смел отказать партизанам, но после этого, боясь колчаковцев, держал язык за зубами.

Летом 1919 года, пока формировался и укреплялся отряд Мамонтова, белогвардейцы часто наведывались в село Вострово. Однажды в июле вместе с начальником штаба Прилепой поехали в Вострово Константинов, Юров и Григорий Парfenov, которого почему-то называли в отряде «Бобок». На ночевку остановились все вместе в доме Иванченко. Об этом кто-то сообщил белым в Солоновку, где находился их отряд.

Хозяин дома Иванченко и его младший сын у вели лошадей на выпаса вночью, а партизаны легли спать. Неожиданно белые оружили дом, началась перестрелка. Жена Иванченко вместе с дочерью выскочили из дома, но в воротах были убиты. Юрову и Константинову удалось выскочить из окна, огородами

скрыться от преследования белых. В доме оставался Никифор Прилепа и «Бобок».

Вражеские солдаты стали бросать в окна гранаты, но Прилепа успевал выбрасывать их обратно.

— Давай, Бобок, выбирайся из дома и, если возможно, открывай огонь с тыла! — приказал Прилепа Григорию Парфенову.

«Бобку» удалось выбраться из дома, но стрелять по белым он почему-то не стал, а по канаве добрался до офицера, который командовал боем, и ножом убил его.

В доме остался один Прилепа. В марте здесь же на Кукуе, в таком же вражеском мешке ему перебили левую руку, а сейчас, наверное, придется сложить и голову. Но и с одной рукой Прилепа стойко оборонялся. Колчаковцы зажгли дом. Забрав офицера, они уехали в Волчиху.

Дом Иванченко затушить не удалось. Из-под пепла было поднято обгоревшее тело Прилепы со сжатым наганом в правой руке. Погиб еще один боевой товарищ Мамонтова, славный защитник дела революции, бывший моряк, большевик Никифор Маркович Прилепа.

Но дело, за которое отдал свою жизнь один из первых организаторов партизанского движения, продолжало расти и укрепляться.

ИМЕНИ КОМАНДАРМА

У входа в здание райкома и райисполкома укреплена доска с лаконичной надписью:

«Село Мамонтово, Мамонтовский район названы по имени руководителя революционного партизанского движения на Алтае в 1918—1919 гг. Ефима Мефодьевича Мамонтова».

Район славится озерами, рыбой и дичью, широкой лентой хвойного бора, березовыми околками... Но дело не только в природе. Труженики полей, выполняя указания партии и правительства, вернули к плодородию десятки тысяч гектаров пустовавших земель. В результате сборы зерна резко повысились. Увеличились поголовье и продуктивность скота, а на зеркальную гладь озер все больше выходит гусиных и утиных эскадр. Теперь годовые доходы сельхозартелей исчисляются миллионами рублей. В колхозе «Красный пахарь», например, доход составил в прошлом году два миллиона семьсот тысяч. Каждый заработанный колхозником трудодень обошелся здесь в девять рублей и в три килограмма хлеба. Проезжая деревнями и селами, видишь, как они обновляются, растут: строятся производственные помещения, больницы, клубы, жилые дома. Намного вырос спрос населения на шерстяные и шелковые ткани, модельную обувь, ковры, мотоциклы. Немало появилось охотников и на автомашины.

Можно с уверенностью сказать, что те, кто побывал в районном селе Мамонтово раз, непременно захочет приехать и второй. А у некоторых, пожалуй, появится мысль: «Эх, неплохо бы сюда перебраться совсем».

Село раскинулось между двумя озерами, одно из которых вытянулось почти на двадцать километров. Широкая, обсаженная деревьями дамба рассекает это большое озеро. Дамбой за несколько минут можно попасть в Касмалинский бор, который знаменит тем, что тянется от Барнаула до Казахстана — не одну сотню километров.

Дома в Мамонтово, как и в каждом селе, конечно, разные: большие и маленькие, старые с позеленевшими крыша^и, подновленные и совсем новые, но все они имеют под окнами палисадники, и над всеми высятся на шестах одна, две, а то и три скворечни.

Любят мамонтовцы цветы, деревья и птиц.

В центре Мамонтово, тщательно оберегаемый, пышно разросся сквер, а чуть в стороне от него — районный парк. Здесь на возвышенном месте стоит, окруженный молодыми деревьями, пирамидальный обелиск. Надпись на нем до обидного скуча: «1919 год. Героям-партизанам, павшим в борьбе с колчаковской белогвардейщиной».

Майским утром, когда солнце своим радостным, животворным светом щедро расплачивалось за предшествовавшие холодные, пасмурные дни, парк наполнился участниками школьного районного фестиваля. В пионерских галстуках или с комсомольскими значками на груди они пришли почтить память тех, кто отдал свою жизнь за правду и счастье. Молодые руки бережно опускают к подножью обелиска венки из сосновых веток, цветов и лент. Затем наступила минута торжественного молчания. Со строгими и решительными лицами, плечом к плечу, стоят потомки тех, кто с самодельными пиками, вилами и косами побеждал вооруженного до зубов врага.

А вечером на другом берегу озера, у самой кромки бора, ярко вспыхнул пионерский костер. На веселый огонек пришел Назар Григорьевич Субычев, бывший заместитель командира роты партизанской армии. Назару Григорьевичу шестьдесят лет, но он бодр, энергичен, работает секретарем Мамонтовского райисполкома. Субычев — не единственный в Мамонтово участник борьбы за Советскую власть. Председатель промартели имени Орджоникидзе Михаил Арсентьевич Беседин, конюх райкома комсомола Иван Лаврентьевич Кадочников, пенсионеры Петр Филиппович Иванов и Семен Иванович Лошинин под командованием «сибирского Чапаева» — Ефима Мефодьевича Мамонтова сражались с белогвардейцами. Из их рассказов встают из прошлого опаленные огнем, овеянные славой дни борьбы за Советскую власть на Алтае.

Село Мамонтово раньше называлось совсем иначе — Большие Бутырки. Иной, совсем непохожей была и жизнь. Власть и права человека определялись его карманом. Толстый карман, много в нем денег — значит много власти и прав. На месте, где теперь стоит здание райкома партии и райисполкома, жил тогда купец Лев Кузьмич Фузеин. Большой двухэтажный дом. Внизу магазин — «торговля оптом и в розницу», а на втором этаже — его холостяцкие апартаменты. Фузеин вел свои торговые дела с размахом, как говорят, ворочал тысячами. Поэтому слово Льва Кузьмича считалось законом. Что скажет — так тому и быть. Кто посмеет возразить?

Вокруг Фузеина юрким бесом уивались торговцы и кулачи — Астахов, Попов, Пташкин, Вяльцев и другие. Бедноту, переселенцев из «Расеи» компания Фузеина за людей не считала. Правда, когда «всероссийский самодержец» слетел с престола, Фузеин много говорил о свободе и братстве. Он даже доказывал, что сын его, а значит и он сам, пострадал за революцию. Но как только пришла весть о том, что большевики взяли власть в свои руки, Лев Кузьмич помрачнел.

— С боязками нам не по пути, — сказал он своим дружкам. — Не было еще того, чтобы голь перекатная правила наими. Не было и не будет! Не допустим!

Чехословацкие мятежи, захват белыми Новониколаевска, Барнаула, Омска, объявление Колчака верховным правителем вызвали большую радость «хозяев села».

— Адмирал — твердый человек, сумеет выжечь большевистскую заразу, — заключил купец. — Конечно, помочь ему надо, потому как мы есть огромная сила.

Эта помощь началась с убийства.

Как-то богачи устроили в доме Зырянова гулянку. Колченогий хозяин старательно накручивал граммофон, а Астахов с красным, будто ошпаренным кипятком лицом, кричал:

— Давай мне «Не видала она, как я в церкви стоял».

И вдруг в распахнутых дверях появился незнакомый человек. В седой выжженной солнцем солдатской гимнастерке, бледный, заросший грязной щетиной, он прислонился к притолоке и молчал. В доме тоже все затихли, с пытливой неприязнью рассматривая непрошенного гостя. Лишь из широкой трубы граммофона слышались хриплые голоса музыкальных комиков Бим-Бом.

С трудом шевеля спекшимися губами, незнакомец попросил:

— Нет ли водички?

— Водички? Водички можно, — хозяин, ловко ковыляя на костылях, зачерпнул из кадки воды.

Пришелец, приняв обеими руками ковш, пил жадно, все больше запрокидывая голову.

— Вот спасибо. Отвел душу.

— Может, водочки пропустишь? — предложил Астахов, все время пристально изучавший отрезвевшим взглядом незнакомца. — Кто будешь?

— С фронта иду, да вот занедоровилось что-то. Жар сильный... А за угощение спасибо. Нельзя мне водки, совсем могу ослабнуть, — незнакомец снял ладонью с бледного и грязного лица крупинки пота, затем полез в карман за платком. И вместе с платком вынул узенькую красную ленту. Поспешно отправляя ее опять в карман, он окинул быстрым взглядом присутствующих.

— Да ты садись, браток, — Астахов постарался придать своему красному лицу как можно больше приветливости. — Мы ведь тоже фронтовики. Я вот к примеру... Покормил вшей. Выпей, браток, рюмочку.

— Рад бы составить компанию, да не могу. Идти далеко.

Незнакомец вышел, а оставшиеся в доме многозначительно переглянулись. Астахов, двинув обеими руками стол, вскочил.

— Красный гад! — Он подступил к хозяину. — Дай что-нибудь... Где топор?

— В сенцах, за дверью. Зачем он? Да что ты задумал?

Незнакомец уже был за воротами, когда Астахов, пряча за спиной топор, догнал его.

— Эй, задержись-ка!

Человек замедлил шаг и не успел оглянуться, как Астахов ударил его. Незнакомец охнул, вскинул руки, чтобы ухватиться за голову, и повалился. Склоняясь над ним, Астахов ударил еще и еще, потом начал топтать безжизненное тело.

Сбежался народ, подошел начальник колчаковской милиции, а немного спустя — поп, в черном облачении, с большим серебряным крестом на груди.

— За что это его?

— Красный гад! — У Астахова в руке дрожал окровавленный топор.

Начальник милиции с привычной быстротой извлек из карманов убитого наган и какие-то бумаги, которые начал сейчас же читать.

— А ведь ты в точку угодил! — обрадованно сообщил он Астахову. — Красный, большевик...

— Ох, грех-то какой на душу принял, — вздохнула старушка, осеняя себя крестом.

— Никакого, матушка, греха нет, — сказал поп. — Божье дело. Закопайте его у канавы кладбища.

— Грех на душу принял... — передразнил старушку начальник милиции. — Пожалела... Всех большевиков так перебьем. Разойдись! Чего глазеете? Невидаль какая...

Убийство Астаховым неизвестного солдата явилось лишь началом кровавых событий, которые обрушились на село и всю

волость. Раньше жители Больших Бутырок только слышали, что отряды белогвардейцев, подобно голодной стае зверей, рыщут по степям, расстреливают и вешают крестьян, сжигают дома и целые селения.

Пытки и смерть каким-то чудом миновали Большие Бутырки, а теперь они прочно обосновались в селе, заглядывали в каждый дом. И горе тому, кто хоть словом выразил недовольство правлением адмирала или одобрительно отзывался о Советской власти. Волостная колчаковская милиция, действуя вкупе с компанией купца Фузеина, арестовывала и порола даже тех, кто при встрече недобро покосился или малопочтительно поздоровался. Двух человек, заподозренных в большевизме, расстреляли, а в соседнем селе — Малых Бутырках расстреляли семнадцать человек. Люди ходили мрачные, прежде чем сказать слово, оглядывались по сторонам.

Изредка приходили запоздавшие калеки-фронтовики. Родным и знакомым они по секрету сообщали, что там, за Уралом, порядки совсем иные. Там рабочие, крестьянские и солдатские Советы. А все, что говорят колчаковские газеты, — брехня, верховный правитель только хвастается, что возьмет Москву, а на самом деле — кишака у него тонка. Красная Армия вступила в Уфу, идут упорные бои за Пермь. Скоро попрут беляков по всему фронту. Горит под ними земля, вся Сибирь поднялась на мучителей. Да что там говорить... Здесь, под боком, отряд «кустарей» Ефима Мамонтова не дает спуска колчаковцам, лупит их и в хвост и в грибу.

— А мы отсиживаемся, — замечали осторожно жители.

...Как-то утром полетели над селом тревожные удары колокола. Верховой, гулко рассыпая по тихим улицам дробь копыт, кричал:

— На сборню!

Мужики озадаченно скребли корявыми пальцами затылки. Идти или не идти? Не пойдешь — чего доброго, выпорют. Надо идти, язви их...

В это время в большой и еще тихий дом Фузеина вбежал мелкий торговец, сидящий винного погребка Вяльцев.

— Лев Кузьмич где?

— Они спят, — сказала стряпуха.

Вяльцев с бледным, растерянным лицом почти бегом пересек зал и только хотел постучать в дверь спальни — на пороге появился хозяин.

— Беда, Лев Кузьмич!

— Что случилось? — Фузеин поспешил запахнуть халат.

— Там на сборне такое творится... Я говорил — всех фронтовиков надо пускать в расход. Все они большевики. Каширов верховодит у них. Недовольны властью.

— А милиция что смотрит?

— Милиция!.. Разбежкались, как зайцы.

Купец сел так, будто его толкнули. Халат распахнулся, обнажив волосатую грудь.

Наступили длинные минуты молчания. Вяльцев с надеждой смотрел на дотошного Фузеина, терпеливо ожидая, что он предпримет.

— Мало их гадов пороли да на тот свет отправляли! — Фузеин, грохнув кулаком по столу, вскочил, забегал по залу, бросил руки за спину, потом засунул их в карманы халата.

Прошло еще несколько томительных минут. Внезапно остановившись против Вяльцева, купец приказал:

— Вступай к ним в отряд!

Вяльцев удивленно попятился.

— Шутите, Лев Кузьмич...

— Да что ты, дурак? До шуток ли теперь? Надо нам своего человека в отряде иметь. Вступай, говорю!

— Да как же это? — растерянно бормотал Вяльцев. — В волчью стаю? Нет, ни за что...

— Чудак ты, право. Мы этих пустоголовых обведем вокруг пальца. Наши скоро подойдут, дадим «товарищам» перцу. А заслуги твои не забудем. Постарайся.

...Когда Вяльцев подошел к сборне, вся площадь была забита народом. Фронтовик Николай Каширов стоял на крыльце и, поднимая вверх руки, призывал к порядку. На фронте Каширов после свержения самодержавия встал на сторону большевиков, был избран солдатами в Совет. Вернувшись домой, он, возмущенный колчаковскими порядками, энергично принялся организовывать сельчан к восстанию.

— Товарищи! Мужики! — говорил Каширов. — Надо всем вместе. Если не создадим отряд самообороны, нас передушат, как цыплят.

— Правильно! — загудел народ.

— Вместе — сила!..

— Правильно! Долой кровопивцев! — громче всех закричал Вяльцев, старательно пробиваясь вперед. — Дайте мне сказать.

Вспрыгнув на крыльцо, Вяльцев смахнул с себя картуз.

— Товарищи! Сил больше нет терпеть издевательства!

Каширов недоуменно косился на оратора. Что с ним! Торговец, все время увивался около Фузеина и вдруг прозрел. Чем ему насолили колчаковцы?

— Прошу записать меня в отряд, — заключил Вяльцев, спрыгивая с крыльца и надевая картуз.

Над головами мужиков поднялись черные мозолистые руки.

— Меня запишите.

— И меня тоже...

За несколько дней отряд разросся до трехсот человек. Командиром избрали Каширова. Винтовок было мало. Их заменили берданки и наспех откованные пики. Самым же главным ору-

жием партизан была накипевшая ненависть к колчаковским палачам.

Пламя крестьянских восстаний, перебрасываясь из села в село, охватило всю Кулундинскую степь, горы Алтая и пошло на север — в Томскую губернию.

Колчаковское правительство спешно бросило для «наведения порядка» крупные вооруженные пулеметами и пушками отряды. Отряд полковника Окунева, расправившись с повстанцами Павловска, двинулся на Ребриху и Большие Бутырки.

Узнав об этом, партизаны Больших Бутырок, после долгих споров, решили выйти в село Малые Бутырки, на более выгодные для обороны позиции. По приказанию Каширова в соседние отряды поскакали нарочные, прося помочь в борьбе с белогвардейцами. Однако враги и предатели сделали свое черное дело. Доверенный купца Фузеина вывел отряд Окунева в тыл партизанам.

Пока шел неравный и тяжелый бой, гонцы Фузеина скакали во весь опор в села Корчино, Костин Лог, Мормышы. Встретив по дороге партизанские отряды, спешившие на выручку к товарищам, гонцы говорили:

— Мы от Каширова. Вертайтесь. Полковника в пух разнесли. Едва ноги унес.

И партизаны, не подозревая предательства, возвращались домой.

...Солнце, казалось, задалось целью спалить на земле все живое. По пять в ряд сидят на пыльной дороге раздетые до нижнего белья партизаны. Каждое их движение зорко стерегут черные глаза пулеметных и винтовочных дул. Шевельнул закинутыми за спину руками, поднял голову — мгновенно в тело вонзается пуля или штык. Вдоль рядов расхаживает, окруженный подобострастными офицерами, полковник Окунев. На его холеном лице гримаса брезгливости. Поигрывая стеком, он думает: «Сволочи... Со свиным рылом в калачный ряд. Власть им не понравилась...»

Полковник зол. Зол потому, что не удалось вырвать заразу с корнем. Каширов с группой партизан вырвался из огненного кольца. Они, конечно, направились к Мамонтову. Полковник уверен, что найдет и разорит осиное гнездо. И не только разорит, а сожжет и пепел развеет по ветру. Но мысль об этом почему-то не приносит успокоения. Щурясь и щелкая стеком по голенищам блестящих сапог, Окунев окидывает наметанным взглядом ряды пленных. Покорно склоненные головы, согнутые спины в грязных рубашках: «Скоты... Стоит выйти из села, как опять схватятся за пики. Уничтожать, только уничтожать!»

Полковник баగровеет.

— Кто большевики, командиры? Говори! — Он наотмашь хлещет стеком первого попавшегося партизана

Через несколько минут полковник, тяжело переводя дыха-

ние, думает о том, что напрасно разволновался: следует беречь некрепкое сердце.

— Списки! — сухо бросил полковник.

Не оглядываясь, он протягивает назад затянутую в лайковую перчатку руку, в которую кто-то вкладывает истертые листы. Здесь все: кто командовал взводами, кто записался в отряд добровольно, а кто мобилизован, кто имел винтовку, а кто ружье или пику.

Около пятидесяти партизан расстреляли в тот день белогвардейцы, остальных выпороли до потери сознания.

...Плавно покачиваясь в седле, полковник Окунев окидывает из-под надвинутого козырька фуражки строгим взглядом улицу. Пусто. Не только человека, а собаки или курицы не увидишь. Лишь одинокий теленок удивленно смотрит большими глазами на длинную вереницу конников и подвод. Но вот и он, высоко вскинув задние ноги, опрометью бросается в переулок. Кто-то из солдат пронзительно свистнул ему вслед.

— Ускакало варево...

А полковник продолжает следить за улицей. Она уж не такая пустынная, как кажется. Вот приоткрылась и так быстро захлопнулась калитка, что полковник не успел разглядеть, кто ее открывал. А через несколько минут он заметил глаз, настороженно выглядывающий в щель забора. «Затаились, каждый шаг стерегут».

Чтобы не испортить настроения, полковник старается думать о другом. Он вспоминает купца Фузеина. Отменный у него коньяк. Да и сам он очень неглупый, но, кажется, чрезмерно осторожный. Не понимает он обстановки. Бунтарям пришел конец. По всей Алтайской губернии колчаковские войска топчут пламя смуты, искореняют большевизм. А он, полковник Окунев, ударит в самое сердце смутьянов — отряд Мамонтова. И разобьет его. Это несомненно. Прикрыв глаза, полковник с довольным лицом представляет Мамонтова пленным. «Вздерну на площади, сгоню весь народ. И пусть висит, пока не сгинет».

Тем временем в партизанском стане тщательно готовились к встрече карателей.

В начале августа группа большевиков во главе с Г. С. Ивкиным подняла в селе Зимино восстание за «восстановление в Сибири истинно-народной Советской власти». Через два дня восстание распространилось на тридцать шесть сел Алтайской губернии. Повстанцы заняли станции Топчиху и Алейскую. Пламя народного гнева, разрастаясь, угрожало шаткому, державшемуся с помощью штыков правительству Колчака. На подавление восстания были брошены крупные силы. Под их нажимом партизанские отряды, возглавляемые К. Н. Брусенцовым, отступили вместе с населением в село Боровское, а затем — в Мельниковово. Здесь зиминские партизаны объединились с отрядом Е. М. Мамонтова. Был организован Главный штаб объединен-

ных отрядов. Главкомом избрали Е. М. Мамонтова, а начальником штаба — Ф. И. Архипова, пришедшего вместе с зиминцами. Постоянным местопребыванием главного штаба сделали село Солоновку.

На первом же заседании главного штаба Мамонтов доложил о подступающем к Мельниково отряде полковника Окунева. Поблескивая черными живыми глазами, Ефим Мефодьевич уверенно говорил:

— Разобьем золотопогонника! Предлагаю это сделать так...

План главкома долго и обстоятельно обсуждали, вносили изменения, дополнения.

Полковник Окунев, столкнувшись с партизанами, легко отбросил их и вступил в село Мельниково. Ему хотелось преследовать партизан, бить их, крошить на куски, но партизаны как сквозь землю провалились. К тому же благонадежные жители настоятельно советовали держать ухо востро: у Мамонтова силы большие.

Оставшись на ночь в селе, полковник самолично указал место усиленным постам. Он приказал забросать боронами брод в озеро.

Однако ничего не помогло.

Глухой ночью, как только петухи устроили первую перекличку, в селе захлопали выстрелы, застучил пулемет, прокатилось мощное «ура». Офицеры и солдаты выскачивали из квартир и падали, настигнутые пулями или пронзенные самодельными пиками партизан. Незадачливому полковнику пришлось спасать свою жизнь бегством.

«Известия главного штаба Алтайского округа крестьянской Красной Армии» поместили сообщение. В нем говорилось о полном разгроме карателей. Партизанам в бою досталось шесть пулеметов с большим запасом лент, десять тысяч винтовочных патронов, двести винтовок, много бомб и вещевого довольствия.

А несколько дней спустя в Большие Бутырки вступил многочисленный отряд партизан. Впереди среди группы всадников ехал Ефим Мефодьевич Мамонтов. Высокий гнедой конь под ним перебирает от избытка энергии тонкими стройными ногами, вскидывает голову, прося отпустить поводья.

Ладная, перетянутая ремнями фигура Мамонтова точно впаяна в седло. На груди — морской бинокль, по бокам — в затейливой серебряной оправе шашка и в большой деревянной кабуре — маузер. Вот он оглянулся, что-то сказал — и сейчас же несколько всадников, рассыпая по улицам дробный стук копыт, помчались к дому купца Фузеина, чтобы расплатиться с ним за смерть товарищей.

А изо всех домов бежали на площадь мужчины и женщины, дети. Каждому хотелось взглянуть на бесстрашного народного заступника, послушать его речь. Ведь под командованием Мамонтова партизаны дали взбучку мучителю Окуневу. Он, Ма-

монтов, не раз был колчаковской милицией, освобождал из тюрьмы товарищей. Мамонтов так храбр, что сама черная смерть боится его, отступает... И товарищи его такие же орлы.

Стылая тишина стояла в огромной толпе, когда командарм произносил короткую, но выразительную речь. Окинув народ взглядом своих черных живых глаз, он сказал:

— Товарищи! Не мастак я на разговоры да и время не подхящее для краснобайства. Сейчас надо действовать, драться за свою жизнь и свободу. Вот вы, наверное, слышали, что мы намяли бока полковнику Окуневу. Вы знаете его.

— Да уж... век не забудем, — послышалось из толпы.

— Вот я и говорю, что знаете... Этот бравый полковник удирал, как побитая собака. Но вы думаете, успокоятся на этом беляки? Нет, не успокоятся! Наша народная Красная Армия для Колчака — кость в горле. Чтобы не подохнуть, он всеми силами постараётся достать эту кость. Поэтому нам надо готовиться к боям, всеми силами помогать Красной Армии, которая несет свободу. Сейчас не время отсиживаться по домам. Да и смысла нет сидеть и ждать, когда тебя расстреляют или выполют. Нет, мы сами будем сметать с лица земли кровопийцев.

Народ, будто очнувшись, загудел, заволновался.

— Правильно!

— За твой, Ефим Мефодьевич, хоть к черту на рога...

В этот день был создан новый партизанский полк, названный третьим Бутырским. Командиром полка избрали Каширова, а заместителем — Блынского.

Полк влился в народную Красную Армию и в сражениях с врагом покрыл себя славой.

«ПАРТИЗАНСКАЯ МОСКВА»

Партизанское движение на Алтае с каждым днем росло, ширилось, охватывая все новые деревни, села, волости. Крестьяне, которые еще совсем недавно старались не ввязываться в драку, стояли в стороне, теперь доставали надежно припрятанные фронтовые винтовки, брали охотничье ружья, а чаще всего самодельные пики, чтобы навсегда покончить с ненавистным колчаковским режимом.

— Невмоготу стало, паря. Какая жизнь... Надо всем миром на Колчака навалиться. Мир, говорят, сгинет — камень треснет.

В сентябре, сразу после разгрома карательного отряда полковника Окунева, в народную Красную Армию влились партизаны, возглавляемые И. В. Громовым. Его имя народ всегда называл рядом с именем Ефима Мамонтова. Конные отряды Громова преимущественно действовали в северных волостях Кулундинских степей. Их налеты всегда были внезапны, стремительны, нагоняли страх и ужас на колчаковцев и их приспешников. Еще раньше Е. М. Мамонтов и И. В. Громов тесно взаимодей-

ствовали между собой, не раз в трудную минуту выручали друг друга.

Теперь из трех разрозненных Главных штабов — Солоновского, Зиминского и Каменского — был создан один, постоянным местоприбыванием которого определили Солоновку.

В эти же дни в селе Леньки состоялся съезд крестьянских депутатов, на котором присутствовало около четырехсот человек из Барнаульского, Каменского, Славгородского и Новониколаевского уездов.

В своем постановлении съезд записал:

«1. С властью буржуазии и ее армией бороться, напрягая все силы и мощь, до полной победы.

2. Восстановить в восставших местностях истинную народную власть, власть трудового народа — Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...

3. На борьбу с буржуазией призвать все население, способное носить оружие».

Съезд избрал Облаком — Областной Исполнительный Комитет Советов рабочих и крестьянских депутатов (председатель — т. Голиков). Облаком проводил важную политическую работу по концентрации на освобожденной территории сил для борьбы с колчаковщиной.

Вести об этом, сочетаясь с мощными ударами Красной Армии, которая к этому времени заняла Екатеринбург, Тюмень, Челябинск и Курган, вызвали в стане омского правителя нервозное беспокойство. Колчак приказал генерал-лейтенанту Матковскому навести порядок.

— Банды наставили нам в спину пики. Нельзя терпеть этого! Слышите!? Я приказываю!.. Принять самые жестокие меры!..

— Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Есть принять самые жестокие меры!

И командующий Омским военным округом генерал Матковский ретиво принял за выполнение приказа. Восемнадцать уездов Западной Сибири были объявлены на военном положении. Ставка верховного правителя разработала широкий и детальный план разгрома и полного уничтожения народной Красной Армии Мамонтова. Для этого были брошены пять тысяч штыков, около ста пулеметов, двадцать орудий. Из Славгорода выступил полк польских легионеров с четырьмя сотнями казаков. Из Камня двигались форсированным маршем три батальона пехоты колчаковцев. На линии Алтайской железной дороги появились большие силы белочехов, а также отряд голубых улан. Все они двигались в направлении Солоновки, Вострово, Волчихи, стараясь охватить железным кольцом армию Мамонтова. Из села в село со страхом передавался зверский приказ генерала Матковского: «...все население сел: Солоновки, Вострово и Волчихи уничтожить и строения сжечь. А на месте сел поставить по черному столбу».

Люди, уже не раз испытавшие зверства колчаковцев, поспешно грузили на телеги скарб, сажали детей и скрывались. Села пустели, а партизанская армия непрерывно пополнялась новыми бойцами. Огромную работу по организации сил сопротивления колчаковцам провели молодые, только что созданные Советы.

Главный штаб народной Красной Армии деятельно готовился к встрече колчаковцев.

— Мы их разгромим! Вот смотрите, — Мамонтов подходил к карте. — Главное — недопустить соединения беляков. Надо их бить по частям, — Ефим Мефодьевич окидывал быстрым взглядом членов Главного штаба, как бы спрашивая: правильно я говорю?

В эти дни, как всегда в минуты опасности, он был вдвое энергичным. В каждом его поступке, действии, слове чувствовалась непоколебимая уверенность в победу.

— Хоть они генералы да полковники, а мы — сиволапые мужики, их побьем! — говорил он, теребя узенькую щетку усиков. — Как пить дать, побьем!

Никто не знал, когда Мамонтов отдыхал. После заседаний в штабе он мчался в полки. И там, где он появлялся, крепла в людях уверенность в свои силы, в победу. Население, объединенное с народной армией единой целью разгрома врага, опоясывало села окопами, в кузницах день и ночь не замолкал перестук молотков, в оружейных мастерских самоучки-пиротехники готовили порох, отливали пули.

Когда разведка сообщила, что белополяки, заняв села Златополь и Орлеан, истязают население и жгут строения, Мамонтов со вторым Славгородским полком, ротой «Спасения революции» и отрядом отважного Столовокова выступил навстречу врагу.

После стычки с поляками в Линьках партизаны отошли на более выгодные позиции в село Сидоровку. Узнав о подходе поляков, жители в тревоге сбежались на площадь.

— Погибель пришла. Всех порешат, — кричали женщины. Хмурые мужики молчали, пытливо посматривая на Мамонтова. Что он скажет, что предпримет? Неужели оставит в беде? А он, не спешиваясь, сказал:

— Конечно, порешат, если будем сидеть сложа руки, — голос Мамонтова вдруг налился силой, зазвенел как сталь. — Драться надо! Драться за детей, за свой дом, за жизнь свою! Берите лопаты, ломы и все туда, — главком махнул рукой в сторону выхода из села, — до прихода беляков надо приготовить окопы. А вы, мужики, беритесь за оружие. Конница нам нужна.

После обеда на дороге из Линьков заклубилась пыль.

— Идут! — говорили партизаны друг другу, с волнением скимая в руках оружие: счастливцы — винтовки, остальные —

кто — ружье, кто — пику, а кто — вилы-тройчатки или увесистый кол. Все притаились в глубокой траншее, землю из которой забросали свеженакошенной травой.

Мамонтов с крыльца высокого дома наблюдал в бинокль за врагом. Вот легионеры слезли с подвод.

А через несколько минут они, грозно выставив винтовки, густой цепью, не пригибаясь, двинулись на село.

— Хорошо, подлецы идут! Хорошо!.. — Мамонтов, опустив бинокль, обратился к вестовому: — Еще раз передай: бить только в упор! В упор!

Легионеры все ближе, ближе... Грозно поблескивают под солнцем штыки. Вот уже видны бледные, окаменелые лица поляков, слышны их четкие, нарастающие шаги. И главное — тишина. Стылая, дышащая смертью тишина. Хоть бы они были из пулеметов, стреляли из винтовок. Кто-то из партизан не выдержал, выскоцил из траншеи. За ним второй, третий... Мамонтова с крыльца как ветром сдуло. Хватаясь на бегу за кабуру маузера, он бросился наперерез паникерам.

— Куда? Убью. Пристрелию!

И тут лопнула тишина. Взахлеб заговорили пулеметы, затрещали винтовочные выстрелы. Рассчитанно, экономя каждый патрон, ударили партизаны. Легионеры оторопели, залегли, а через несколько минут, понуждаемые командой офицеров, опять поднялись. И опять ударили партизаны.

— Куда же ты стреляешь? — говорил Мамонтов, продвигаясь по траншее. — В белый свет, как в копейку. Надо беречь каждый патрон. В нем наша жизнь. Если не можешь сам, поджилки дрожат, отдай товарищу винтовку.

Бой был упорным и долгим. Стремясь во что бы то ни стало справиться до темна с партизанами, легионеры усилили нападение. Пришла в движение кавалерия поляков, готовясь с флангов ворваться в село. И вдруг из оврага выскоцила кавалерия партизан. Сотня, другая, третья... нет числа... Конники, вытягиваясь цепочкой, стремительно мчатся с юго-востока на север. Маневр их ясен — стремятся охватить врага, зайти ему в тыл. Не знали поляки, что только единицы из всадников имеют винтовки и шашки. У остальных — палки, вилы или просто кнуты.

А из окопов послышалось мощное «ура». Дрогнули легионеры, повернули вспять. Партизаны, выскочив из окопов, устремились за ними.

— Вперед! — кричал Мамонтов, размахивая маузером. — Силы не хватает, надо обманом брать беляка.

Когда стих бой, кто-то из партизан сказал Мамонтову:

— Товарищ командир, вы не ранены. Смотрите...

Мамонтов распахнул кожаную тужурку, в которой то там, то здесь виднелись пулевые пробоины.

— Это тужурку ранило, а меня пуля не берет. А здорово

мы всыпали им, — главком захочотал, потер от удовольствия руки.

...Еще не успели партизаны прогнать белых от Сидоровки, поступило новое сообщение — со станции Поспелиха движется на Солоновку большой отряд белых. Не отдыхая после боя, партизаны ночью выступили в Солоновку. Здесь Мамонтов получил сообщение от командира полка «Красных орлов». Неустранимый Колядо писал, что он ночью напал в селе Гилевке на убегавших от Сидоровки польских легионеров.

— Молодец, Федор, — бледный, с воспаленными от бессонницы глазами, Мамонтов улыбнулся, пожал начальнику Главного штаба руку.

— Пока. Надо спешить! Настали горячие деньки.

Накануне егеря и голубые уланы под командованием ужебитого Мамонтовым полковника Окунева заняли Мельниково, намереваясь наутро двинуться на Малышев Лог, а оттуда ударили в сердце партизан — Солоновку. В Малышевом Логу в это время находились два партизанских полка — 2-й Славгородский и 5-й Степной, а также рота мадьяр под командованием Макса Ламберга. Сюда же пришел недавно сформированный 3-й Бытурский полк.

Ночью все эти части выступили на Мельниково. Замысел командования был прост — внезапным налетом разбить врага. Однако белые встретили партизан ураганным артиллерийским огнем, и, преследуя партизан, заняли Малышев Лог. Партизаны отступили в бор. В это время подошел со своей группой войск Мамонтов. На совещании командиров он предложил частью сил наступать по заходящему в село оврагу, а часть оставить для прямого удара и охвата с фланга.

Бой принес обеим сторонам большие жертвы. Белые, стараясь не выпускать из своих рук инициативу, вели ожесточенный огонь из четырех орудий, десяти пулеметов, всех винтовок. Егеря и голубые уланы часто переходили в контратаки и падали, сраженные меткими партизанскими пулями. Партизаны, прижимаясь к земле, все ближе подползали к врагу, бросались в рукопашные схватки.

К вечеру партизаны, пользуясь тем, что огонь врага начал ослабевать (очевидно, подходили к концу боеприпасы), усилили натиск, а в сумерках ворвались в село. Егеря и голубые уланы поспешно ударились вспять.

В бою за Малышев Лог погиб командир 5-го Степного полка Киц, командир кавалерийского эскадрона не знающий страха Столовок был смертельно ранен. Погибло немало партизан. В руки врага попал партизан Емельян Деговцев. Мстя за поражение, белые привязали его за хвост лошади. Партизаны поклялись над истерзанным до неузнаваемости трупом товарища нещадно громить «белую гадину».

В эти ясные и ласковые сентябрьские дни степь беспрерывно

содрагалась от гула стрельбы, а по вечерам то там, то здесь пыпало зарево пожаров, легкий ветерок, кажется, доносил стонны истязаемых колчаковцами людей. И партизаны с накипавшей ненавистью в груди решительно бросались на заклятого врага.

Капитан Кауров с отрядом в две тысячи человек поспешно двигался из Рубцовска на Волчиху.

Мамонтов еще во время сидоровского боя приказал командиру батальона Жарикову всеми силами задержать подход капитана Каурова до разгрома поляков и голубых улан полковника Окунева. Выполняя приказ, Жариков занял удобную позицию между двух озер. Силы были неравные, но бой длился целый день. Ночью Жариков отошел к Усть-Кормихе и здесь еще на день задержал продвижение белых. И когда Кауров пошел к Волчихе, польские легионеры и голубые уланы были уже разбиты.

— С одним как-нибудь справимся, — говорили партизаны. И действительно справились.

Белым не помогли ни орудия, ни пулеметы. Партизаны спокойно подпускали наступающих врагов на сто-пятьдесят шагов и так же спокойно отправляли их к проотцам. Исход же боя решила вооруженная пиками да дрекольем партизанская кавалерия.

В самый напряженный момент, когда белые, казалось, вот-вот сломят сопротивление залегших в окопах партизан, из села вылетел тысячный отряд конников. На разномастных коньках партизаны неудержимой лавиной устремились в обхват врага. И как в Сидоровском бою дрогнули беляки. А из окопов уже выскочили, бегут на них партизаны. Глаза каждого — полны жгучей ненависти. Белые бросились к реке, но с другого берега ударила партизанская засада.

План Главного штаба блестяще оправдался — враг был разбит по частям. Генералу Матковскому не удалось уничтожить народной Красной Армии. Солоновка для Колчака оказалась такой же недосягаемой, как и белокаменная Москва.

— Партизанская Москва, — говорили после о Солоновке колчаковцы.

РЕШАЮЩИЙ БОЙ

Солоновка.

Здесь находился Главный штаб народной Красной Армии. Здесь произошел бой, на котором Колчак и его генералы в последний раз убедились, что армия Мамонтова — ореш не по их гнилым зубам.

Мощная волна партизанского «ура» прокатилась последний раз над селом тридцать восемь лет назад. Тридцать восемь советских созидаательных лет — время огромное. Они в корне изменили не только облик Солоновки. Иной стала жизнь сельчан, иными стали помыслы и чаяния их.

На самом видном месте, в центре села, как и положено было в старое время, стояла церковь. Во время Солоновского боя Ефим Мефодьевич Мамонтов не раз поднимался на колокольню, чтобы своим зорким взглядом оценить сложившуюся обстановку. Теперь церкви нет. От нее остались лишь подгнившие столбы фундамента. Зато рядом вырос огромный крытый шифером клуб. Тут же на площади — здание средней школы, окруженное стройными молодыми яблоньками. Напротив школы отделяется новый дом для сельской больницы. А на выходе из села сельхозартель имени Жданова заканчивает строительство добродушного скотного двора. Впрочем за тридцать восемь лет советской власти нового пришло в село столько, что сразу трудно перечислить. И рядом с ним, этим новым, радостным, — повсюду следы славных партизанских дел.

Наше знакомство с Солоновкой началось со встречи с Василием Степановичем Левыкиным. Василию Степановичу давно уже перевалило за шестьдесят, но его бодрости, энергии позавидует, пожалуй, иной и в сорок лет. Фельдшер по специальности, Левыкин в народной Красной Армии Мамонтова возглавлял санитарную часть. И теперь он заведует Солоновской сельской больницей. Каждый житель от старого до малого знает и уважает Василия Степановича за его чуткое отношение и большой опыт в работе.

Вместе с Василием Степановичем мы подошли к двухэтажному дому из бревен, которые вряд ли обхватит самый дюжий мужчина.

Василий Степанович рассказывает:

— Этот дом раньше принадлежал отцу Василию. Высокий был поп, черный... Нрав крутой... Сильно тянул сторону колчаковцев. Наше командование предупредило его, а потом предложило выехать из Солоновки. Думаете, подчинился? Нет, все равно не унимался, наших стал выдавать. Пришлось его того, в расход пустить. А в его доме размещался Главный штаб. Теперь тут больница, но скоро перейдем в новое помещение.

Мы с любопытством осматриваем дом. Дом как дом, но по ступенькам его крутой лестницы ходил сам Мамонтов, а вот тут около забора стояли, звеня удилами, оседланые кони партизанских командиров, вестовых...

Поднимаемся на второй этаж. Здесь члены Главного штаба сообща разрабатывали планы по отражению и разгрому наследников колчаковцев.

Когда, прячась от слишком усердного солнца, мы присели на крыльце, Василий Степанович рассказал о своей работе в партизанской армии.

— Трудно приходилось, очень трудно. Инструментов нет, перевязочных материалов тоже... Вместо иода применяли карболику, а при ампутации конечностей приходилось пользоваться обыкновенной ножовкой.

Мы, конечно, удивленно качаем головами, а Василий Степанович продолжает:

— Как-то захватили наши у колчаковцев врача. Ефим Медведевич направил его в санитарную часть. Посмотрел врач на все и говорит: «Что хотите со мной делайте, но в таких условиях я работать не могу». А мы работали. Во время Солоновского боя много было обмороженных. А у моей матери стояло в подполье килограммов семь гусиного сала. Так она все до капли отдала для обмороженных. И все жители так поступали. Для партизан ничего не жалели, лишь бы одолеть врага.

Василий Степанович очень охотно познакомил нас со всем, что так или иначе связано с партизанской борьбой, Солоновским боем.

Мы побывали на перешейке двух озер. Здесь, в этом месте колчаковцы старались всеми силами прорвать оборону партизан, ворваться в село. Но рота мадьяр под командованием Макса Ламберга стояла насмерть, косила цепи колчаковцев метким пулеметным огнем. Убитые оставались на стылой земле, а живые поспешно откатывались в бор под укрытие сосен. Кстати, в бору до сих пор сохранились окопы белых. Со странным недоумением смотришь теперь на заросшие травой ямки. Незадачливые вояки хотели надеть на людей ярмо рабства. Нет, кто сбросил его раз, тот опять не наденет. Умрет, но не покорится, не станет рабом!

Василий Степанович привел нас к небольшому, окруженному палисадником домику, в котором во время Солоновского боя находился перевязочный пункт. Правда, время не оставил без своего преобразующего влияния и его, этот маленький домик — тогда он стоял на берегу озера, а теперь перебрался в центр села.

Василий Степанович рассказал, что во время Солоновского боя, когда белые, усилив натиск, кажется, готовы были ворваться в село, раненые забеспокоились, стали говорить: «Как бы не случилось так: не выдержат наши, отойдут, а нас вывезти не успеют. Порубят нас беляки, как капусту». Мамонтову в это время некогда было даже вздохнуть. Он успевал командовать боем, и сам участвовал в бою: бегал по траншеям, подбадривая партизан, то и дело ложился за пулемет (добрый был пулеметчиком). И все же он нашел время заскочить к раненым. Окинув всех быстрым взглядом и говорит: «Чувствую, беспокойтесь. Напрасно, товарищи. Умрем все, но села не сдадим. Даже мысли об этом не может быть. Желаю вам поскорее выздоравливать! А мне некогда... Такая там, братцы, схватка жаркая!..»

Нам за свою поездку удалось повидать немало участников партизанского движения. И все они, рассказывая о своих схватках с врагом, большое внимание уделяли Солоновскому бою. Да иначе и быть не может. Ведь Солоновский бой был самым крупным, самым жестоким и самым решающим. После него парти-

занская армия двинулась на города и железнодорожные узлы, соединилась с Красной Армией и всеми силами помогала ей добить врага.

Было это осенью 1919 года.

Красная Армия, ломая сопротивление колчаковских войск, успешно продвигалась к Омску. 30 октября был взят Петропавловск, и в «столице» Колчака появилась паника. Все, кто имел основание бояться советской власти, поспешно упаковывали в чемоданы вещи. Однако не каждому удавалось попасть в уходящие на восток поезда. Адмирал Колчак старался бодриться. Выступая на митингах, в Омской городской думе, он уверял, что красные не опасны, они обязательно будут остановлены и разбиты. Об этом же кричали газеты, многочисленные листовки. Но Красная Армия уверенно наступала, и Колчаку ничего больше не оставалось, как переехать в Новониколаевск. Здесь, на почтительном расстоянии от фронта, верховный правитель несколько успокоился и снова вернулся к старой мысли о разгроме большевиков и даже «освобождении» белокаменной матушки Москвы. Он обратился к «патриотически» настроенной интеллигенции и зажиточным, преданным людям с призывом формировать добровольческие части, городские дружины. Большие надежды возлагались диктатором и на сибирское казачество.

Колчак вкупе со своим главнокомандующим генералом Сахаровым разработал стратегический план, который пропаганда называла простым и гениальным. Чтобы осуществить его, требовалось немногое — закрепиться на рубежах Оби, Иртыша, установить Красную Армию, измотать ее силы, а затем перейти в решительное наступление. Но для этого, в первую очередь, нужно было избавиться от партизанской армии Мамонтова, которая держала под своим контролем районы, богатые продовольственными запасами, систематически нарушала связь с находившимся в Семипалатинске добровольческим корпусом атамана Анненкова.

Главнокомандующий колчаковской армии генерал Сахаров, генерал Матковский и министр внутренних дел Пепеляев выехали в Алтайскую губернию, чтобы на месте продумать и осуществить мероприятия по разгрому армии Мамонтова.

В ноябре генерал-лейтенант Матковский издал приказ к населению. В нем среди множества пунктов были такие:

«Не раз правительственные войска разбивали разбойничьи шайки, но они продолжают собираться и увеличиваться, ибо вы, крестьяне, безразличны и неэнергичны.

Они играют в «советскую власть», а вы, крестьяне, страдаете и можете погубить себя и свои семьи.

Сейчас начинается со всех сторон наступление правительственные войск, ибо дальше терпеть беспорядков нельзя, большевики — люди, обреченные на гибель.

Я приказываю немедленно арестовать и доставить правительенным войскам или в город Барнаул главаря Мамонтова и его членов штаба, а также начальников отрядов и других самозванцев. Им место в тюрьме. За это награда и прощение.

Никаких мобилизаций по приказам красных не допускать и не подчиняться.

Оружие собрать и сдать правительенным войскам.

Уже взяты Киев, Одесса, Курск, Орел, Воронеж. Скоро, если даст, и Москва будет в руках православных.

Долой самозванцев и грабителей!

Да здравствует единая Русь, православная, могучая, непобедимая!»

Завершив «идеологическую обработку» мужиков, колчаковские генералы приступили к конкретным действиям против партизан. План остался прежний — со всех сторон окружить партизан, загнать их в Солоновку и уничтожить так, чтобы духа смуты не осталось. На выполнение этой задачи были брошены части, о которых генерал Сахаров сказал, что они «цвет и гордость нашей армии». И в самом деле были отобраны самые надежные, не поддающиеся «большевистской заразе» части: два полка голубых улан и черных гусар под командованием казачьего генерала Евтина, полк польских легионеров имени Костюшко, часть 5-го пражского полка имени Массарика, егерский батальон в тысячу штыков, 43-й и 46-й пехотные полки и 3-й стрелковый полк. Выступившие на партизансскую армию колчаковские части имели 18 орудий, более ста пулеметов, бронепоезд «Сокол», два броневика, огромное количество снарядов, патронов и бомб. Офицеры и все солдаты были одеты в английскую форму, обуты в американские ботинки.

Партизанская армия Мамонтова жила едиными интересами с народом. Поэтому замыслы колчаковских генералов не остались втайне от Главного штаба. Верные люди из городов и сел сообщали в «Партизанскую Москву» о прибытии колчаковских частей, их численности, вооружении.

Мамонтов, прочитав приказ генерала-лейтенанта Матковского, развеселился.

— Генерал-то, оказывается, дурак набитый. Захотел провести мужиков. Нет, брат, они понимают, что белое, а что черное. Не пройдет номер!

При разработке диспозиции в Главном штабе возникло несколько мнений. Одни предлагали немедленно стянуть в Солоновку разбросанные на большом расстоянии друг от друга полки и мощным кулаком ударить по колчаковцам. Другие утверждали, что плохо вооруженная партизанская армия не сможет устоять против колчаковских войск. Поэтому есть смысл выступить на Павлодар, чтобы соединиться с Красной Армией. Но

Мамонтов и начальник Главного штаба Чеканов ни с тем, ни с другим мнением не согласились. Мамонтов сказал:

— Меня обвиняют здесь в местничестве. Но дело вовсе не в этом. Уйти на Павлодар — значит проявить нерешительность, даже больше — трусость и отдать наши села и деревни. Мы колчаковцев обязательно разобьем. Я в этом уверен и не только уверен, а отвечаю своей головой! Но стягивать все полки в Солоновку опасно. Мы можем оказаться в ловушке.

Главком предложил оставить в Солоновке самые слабые по вооружению полки, а остальные отвести для нанесения удара колчаковцам с фланга и тыла. 4-й Семипалатинский полк и 10-й Змеиногорский должны задержать движение казаков генерала Евтина.

Большинство членов Главного штаба согласилось с предложениями Мамонтова.

Партизанская армия к этому времени была организована по типу регулярной Красной Армии. Порядок во взводах, ротах, батальонах и полках основывался на крепкой, но сознательной дисциплине. Главный штаб, кроме конных вестовых, имел телефонную и телеграфную связь, отбитую в предыдущих боях у колчаковцев. Благодаря этому части партизанской армии обладали большей маневренностью.

Последующие события полностью подтвердили планы Мамонтова.

10-й Змеиногорский и 4-й Семипалатинский полки, заняв удобную позицию у села Лебяжьего, больше суток сдерживали упорный натиск казаков. А когда противник начал обходить партизанские полки, они с боем отступили на Усть-Волчиху, Усть-Кормиху и Волчиху. Здесь, засев в оставшихся после боя с капитаном Кауровым окопах, партизаны оказали казакам упорное сопротивление и тем самым не дали возможности генералу Евтину выполнить приказ своего командующего — выйти на соединение с 43-им и 46-ым полками, которые, двигаясь со станции Поспелихи, заняли одиннадцатого ноября село Мельниково. Ночью находившиеся в Малышевом Логу три полка партизан под командованием Мамонтова выступили на Мельниково. По диспозиции эти полки должны были установить связь с проходившими через село Долгово партизанскими частями и совместно ударить по белым. Но темная ночь, буря с дождем и мокрым снегом помешали выполнению задачи.

Не соединившись с вышедшими из села Долгова частями, партизаны, усталые, в обледенелой одежде, бесшумно сняли заставы врага и ворвались в село Мельниково. Однако противник, оправившись от паники, открыл ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. Понеся большие потери, партизаны по приказу Мамонтова отступили опять в Малышев Лог.

Этот бой окрылил колчаковцев. Жители Мельниково расска-

зывали, как наутро сияющие от радости офицеры рассматривали убитых партизан.

— Господа, а нет ли между ними главаря Мамонтова. Говорят, он одет в зипун с дырой на плече. Пикой протер... Ха-ха... Командир бандитской шайки...

— Кто убьет Мамонтова — получит сорок тысяч рублей награды, — сказал полковник Крылов. — А за живого — пятьдесят тысяч рублей и высшая награда.

В этот день генерал-лейтенант Матковский самолично цеплял на грудь отличившимся в бою офицерам и солдатам награды.

Белые перешли к решительным действиям. 43-й полк двинулся за отступающими на Малышев Лог партизанами, а 46-й полк занял село Селиверстово, намереваясь ударить группу Мамонтова во фланг. Учитывая это, Мамонтов оставил Малышев Лог и отошел в Солоновку. Села Мельниково и Малышев Лог, которые в Главном штабе за удобные позиции называли партизанскими крепостями, достались колчаковцам.

Враг вплотную подступил к Солоновке.

Генерал Евтин, плотный мужчина с выдубленным лицом и висячими усами, объезжал полки казаков, выстроившихся за селом Волчихой. Генерал был доволен. Он только что вернулся от генерал-лейтенанта Матковского с добрыми вестями. 43-й и 46-й пехотные полки соединились у Малышева Лога и развернутым фронтом двинулись к Солоновке. Поддерживает их полк голубых улан. Селиверстово тоже в их руках. Таким образом партизаны почти в кольце. Еще один удар, и банды будут уничтожены. Генерал остановил коня.

— Господа казаки, сегодня-завтра мы должны быть в Солоновке. Перед нами жалкая шайка почти безоружных мужиков. Сам бог видит, что наше дело победит. А уж мы, казаки, не посрамим своей чести!

Евтин расправил усы, приказал адъютанту вызвать к себе сотников и, ударив плеткой коня, поскакал в село.

А в это время в Солоновке в двухэтажном поповском доме заседал Главный штаб партизанской армии. Докладывал Мамонтов.

— 10-й Змеиногорский полк должен удержать Волчихинский фронт, 4-й Семипалатинский бьет левый фланг противника и поддерживает змеиногорцев, 6-й Кулундинский, 1-й Алтайский полки и Железнодорожный батальон ударят противнику в тыл.

Мамонтов окинул членов штаба взглядом.

Игнат Чеканов (начальник штаба), Михаил и Егор Константиновы, Анисим Копань, Федор Глазков и другие склонились у стола над развернутой картой, слушая командарма.

Мамонтов продолжал:

— 2, 3 и 5-й полки занимают ответственные участки — удерживают главную силу со стороны Малышева Лога. Сюда же направ-

вить роту мадьяр. Полк «Красных срлов» наносит удар по правому колчаковскому флангу со стороны Селиверстово.

Задача, как видите, нелегкая. Враг вооружен до зубов. Но мы должны разбить их именно здесь.

— Есть добрые вести, товарищи, — докладывает начальник штаба Чеканов. — Кавалерия 2-го и 6-го полков разбила в Новичихе резерв колчаковцев в 400 человек, захвачено 6 пулеметов, 400 винтовок, 12 двухколок с патронами и обоз с обмундированием и провиантом.

Члены штаба одобрительно заговорили.

— Но это не все, — продолжал Чеканов. — Под Ново-Крестьянской также разбита пулеметная команда 46-го полка, захвачено в плен 150 солдат. Нам досталось два пулемета и, главное, 32 двухколки патрон. Задача — доставить эти патроны сюда.

— Заседание кончаем, давайте по местам, — заключил Мамонтов.

В окна забрезжил мутный ноябрьский рассвет. Но и в этот ранний час по улицам Солоновки беспрерывно двигались конные и пешие. Раздавались голоса командиров.

Мамонтов, Копань и Чеканов вышли на улицу. Падал легкий снег. Мамонтов повел тугими плечами, потянулся.

— Эх, ребята, когда отыхать будем вдоволь?

— Да не скоро еще, Ефим Мефодьевич, — заметил Чеканов.

— Дети бы наши жили по-человечески, — голос Мамонтова дрогнул и стал необычно задушевным. — Жили бы, да иногда вспоминали отцов. Вспахали мы землю окопами, а пройдет лет пятьдесят, и не будет их видно, зарастут травой.

— Но память о партизанских делах не заастет быльем. Это уж я точно знаю, — уверенно проговорил Копань.

— Ты, комиссар, как всегда, прав, — засмеялся Мамонтов. — Пройдем по окопам.

Оборона Солоновки была подготовлена заранее. Окопы опоясывали село. Партизаны в полушибаках, барчатках, а кто и просто в зипунах похлопывали рукавицами и толкали друг друга — согревались. Ружья и пики лежали на бруствере.

Мамонтов, подбадривая шуткой солдат, обходил окопы, лично проверял установку пулеметов.

— Расстояние отсюда до леса метров четыреста, — вот и марауй теперь, — наставлял он пулеметчика Бутырского полка.

— Да уж мы, товарищ командарм, постараемся им врезать в самую точку, — отвечали партизаны.

Настроение у людей было бодрое, а это самое главное.

К вечеру 13 ноября 43-й и 46-й колчаковские полки, полк голубых улан, открыв орудийный и пулеметный огонь, вышли из леса в наступление. Первые цепи солдат забежали на застывшее озеро.

Мамонтов был здесь, на главном участке.

— Подпускай!.. Патронов зря не тратить! — командовал он.
А вражеская цепь все ближе и ближе. Но дружный залп партизан положил цепь. Было заметно, что солдаты идут в атаку неохотно. Попробовав еще раза два продвинуться ближе к партизанским окопам и потеряв около сотни солдат, колчаковцы отступили.

Наступила тревожная ночь. В Солоновке почти никто не спал. Жители прятались в подпольях или подвалах, а партизаны, отдохнув часик в домах, снова шли в окопы.

Утром 14 ноября противник открыл бешеный огонь из 55 пулеметов и 8 орудий. Под прикрытием огня колчаковцы густыми цепями пошли в наступление. Голубые уланы появились из бора уже со стороны Селиверстова и поскакали в степь, пытаясь охватить в кольцо тыловую часть Солоновки.

С колокольни Мамонтов в морской бинокль видел, что настал тяжелый момент.

— Товарищи Чеканов и Константинов, организуйте контрнаступление нашей кавалерии.

Начальник штаба и Егор Константинов начали торопливо спускаться вниз. А вскоре около пятисот красных конников с пиками наперевес выскочили по воскресенской дороге, а затем повернули навстречу голубым уланам. Партизаны сходу открыли огонь по противнику. Уланы, конечно, не знали, что партизаны мобилизовали всех обозных лошадей, что среди наступающих только около сотни человек имели винтовки.

Скакавший впереди уланов офицер покачнулся в седле, упал. Вражеская лавина стала сдерживать бег. Мамонтов быстро сбежал вниз, вскочил на лошадь и галопом поскакал на окраину села. Спрыгнув в окопы, он приказал пулеметчику следовать за ним, а сам быстро забрался на стоявшую неподалеку от окопов баню.

Через минуту с крыши бани застрочил пулемет. Мамонтов метким огнем стал валить наступавших по селиверстовской дороге колчаковцев. Уланы пришли в замешательство, спешились, а часть их повернула обратно в бор. Пехота залегла в степи и стала окапываться. Мамонтов прекратил огонь. Ствол пулемета был раскален добела!

— Оставайтесь здесь и держите под обстрелом, — приказал он пулеметчику, а сам, вскочив на лошадь, поскакал на другой конец села.

— С нашим командиром нигде не пропадешь! — говорили партизаны, любовно смотря вслед Мамонтову.

Атака противника была отбита, но огонь из пулеметов и орудий не прекращался. Пули пронизывали село, загорелось несколько домов. Лежавшие в окопах партизаны не стреляли, экономя патроны.

К вечеру обстрел прекратился.

Быстро опускались зимние сумерки, со степи потянул холод-

ный ветер, но из окопов никто не уходил. Всю ночь партизаны крутили трещотки и временами дружно кричали «ура». В ответ колчаковцы открывали огонь. По цепям прошла добрая весть, что вечером из Вознесенки прорвался конный корпус Громова. Дух партизан поднялся.

...Командир роты 3-го Бутырского полка Назар Субычев в эту ночь получил приказ от Каширина направиться для подкрепления с половиной своего подразделения на участок между двух озер, который держали мадьяры. Это был трудный участок, и вся партизанская армия восхищалась мужеством бывших военно-пленных иностранцев, защищавших в Сибири интересы русских крестьян. Командовал ротой мадьяр Макс Ламберг, приземистый, добродушный человек, прославившийся личной храбростью.

— Как живете? — поздоровавшись с ним, спросил Субычев.

— Холод, голод, — ответил Ламберг, и Субычев почувствовал в темноте, что этот человек и сейчас улыбается.

Партизаны забеспокоились, что мадьяры целый день не ели.

— Деретесь, как львы, а голодные. Непорядок...

Несколько человек пошли в Солоновку и примерно через час принесли полные мешки хлеба.

— Искали хозяев, не нашли. Дома открыты, заглянем в печь — булки. Вот и собрали, — рассказывали вернувшиеся партизаны, раздавая свежий хлеб мадьярам. Нашлось и сало.

Покушав, мадьяры повеселились и на ломаном русском языке, а больше жестами стали рассказывать историю своей роты, говорили о том, что и они у себя в Венгрии тоже создадут советскую власть, хотя ее нынче и потопили в крови.

Рано утром 15 ноября две сотни кавалеристов, выполнив приказ Мамонтова, вернулись в Солоновку с большим запасом патронов и пулеметных лент, захваченных при разгроме колчаковских резервов. А патроны были нужны позарез. Боеприпасы были на исходе, ружейные мастерские в Солоновке не могли работать под беспрерывным обстрелом противника.

— Спасибо Колчаку за снабжение, — посмеялся Мамонтов и приказал тут же разнести патроны по окопам.

Наступил третий день боя. С рассветом колчаковцы открыли ожесточенный артиллерийский и пулеметный огонь. Солдаты 43-го и 46-го полков, выбежав из леса, густыми цепями кинулись в атаку. Бежавшие впереди офицеры подбадривали солдат криками «вперед».

Главный удар в этот день противник наносил на участке между двух озер. Но мадьяры, стоявшие плечом к плечу с русскими, были врага без промаха. Несколько партизанских пулеметов сдерживали наступление колчаковцев. Поле усеялось трупами вражеских солдат. Были потери и у партизан. Темнело. Раненых партизан санитары уносили на перевязочный пункт.

В разгар боя в окопы мадьяр заскочил Мамонтов, добрался до пулемета и стал строчить по колчаковцам.

Но противник упорен. Сегодня он решил во что бы то ни стало сломить сопротивление партизан. Белое командование понимало слабость своего положения. Еще день-два, и легко одетые солдаты взбунтуются.

Солдаты небольшими перебежками бегут навстречу. Видны пуговицы на зеленых английских шинелях, обмотки и ботинки, видны посиневшие, перекошенные злобой лица. У врага много молодежи. Безусые парни еще не обстреляны, боятся. Партизаны, в большинстве своем бывшие фронтовики, видели виды, смотрели не раз смерти в лицо, и потому подпускают противника спокойно.

— За мной! — Мамонтов выскочил из окопов. В одной руке маузер, в другой — сабля. Но Ламберг стянул его за ноги обратно в окопы.

Мамонтов взбешен.

— Убьют, — улыбается Ламберг. — А вы должны жить.

Но партизаны уже выскакивают из окопов, и Мамонтов, вырвавшись, бежит вперед. Минута, вторая — и враг повернулся обратно. Рядом с Мамонтовым Ламберг и еще один мадьяр. Противник, отбежав немного, задегает и начинает отстреливаться. Партизаны отходят в окопы.

В этот день рукопашные схватки завязывались несколько раз. Но все попытки врага не имели успеха. Полувооруженные партизаны были крепки духом. Присутствие командарма вселяло уверенность в победе. К Мамонтову беспрерывно прибегали вестовые, докладывали обстановку на других участках и, получив приказ, торопились в свои полки.

— Сколько знаю Ефима Мефодьевича, — рассказывал партизан Бутырского полка мадьяру, — ни разу не видел раненым. От пули, видно, заворожен. Видишь, ходит не гнется.

— Смелого пуля боится, а труса всегда найдет, — заключил второй партизан. — А таких, как он да Колядо, да вашего Макса пуля-дуря боится.

К вечеру колчаковцы подобрались к самым окопам, завязалася отчаянный рукопашный бой. На соседнем участке дрогнули. Человек тридцать из Бутырского полка побежали в Солоновку. Мамонтов приказал отобрать у трусов винтовки.

Иметь винтовку для партизана — честь. Партизаны охотно исполняют приказ командарма, но большинство струхнувших, поняв что их ждет, сами вернулись в окопы. Порядок восстановился.

Последняя в этот день атака противника была отбита с большими для него потерями.

Вечером хоронили погибших партизан. На похоронах был Мамонтов и Громов. После салюта, несколько сот партизан пели «Вы жертвою пали...»

В ночь с 15 на 16 ноября положение противника ухудшилось. Ударил сильный мороз. Отрезанные от своих тылов, колчаковцы не могли доставить теплое обмундирование. Солдаты рыли в лесу большие ямы и забирались в них, согревая друг друга. Появились обмороженные. Кроме того, партизаны отбили у них обоз с продуктами, и колчаковцам приходилось грызть только сухари. План Главного штаба партизанской армии о действиях нескольких полков в тылу врага претворялся в жизнь и стоил теперь смерти врагу.

В 12 часов ночи с правого и левого флангов грянуло много тысячечное «ура», затрещали пулеметы. Это партизанские полки пошли в наступление.

В правый фланг колчаковцам ударили 1-й Алтайский, 6-й Кулундинский полки и Железнодорожный батальон. Слева наступал 4-й Семипалатинский полк. 7-й полк «Красных орлов» под командованием Федора Колядо еще не занял исходных позиций, когда получил приказ идти в наступление. Колядо, вырвавшись на селиверстовскую дорогу, направил полк на полевой штаб противника. Колчаковцы, бросив пулеметы и батарею, бежали, но офицеры вернули солдат. Застрочили пулеметы.

Впереди «Красных орлов» с саблей в руках скакал славный командир. Расстояние до штаба стремительно сокращается. Уже осталось метров пятнадцать, когда заговорил первый вражеский пулемет. Выскочили в контратаку уланы.

Свинцовой очередью был сражен Федор Колядо. Упал на шею коня, схватившись за грудь. Завязался рукопашный бой. Уланская шашка блеснула над головой Колядо — и сердце знаменитого командира перестало биться.

Партизанские полки отступили с большими потерями.

Весь следующий день прошел в беспрерывных боях. Особенно ожесточенная схватка была между 4-м Семипалатинским партизанским полком и 46-м колчаковским полком. У противников был только один исход — победа. На всех фронтах противник переходил от обороны в наступление. Дымом затянулась Солоновка. Партизаны потеряли счет времени. Уставшие и озлобленные за смерть своих товарищей и командиров, они даже раненые не покидали поля боя. А колчаковские солдаты то отступали, то снова шли в атаку, подгоняемые офицерами.

В ночь на 17 ноября партизанские полки снова повели наступление с флангов и тыла, и только к 3 часам утра по решению Главного штаба стрельба начала стихать. Партизаны отступили на исходные позиции. Последним выстрелом из орудия противник попал в здание Главного штаба, где в это время обсуждались дальнейшие действия. Крыша и стены были разрушены, но, к счастью, все остались живы.

Штаб решил дать проход для отступления колчаковцев на Малышев Лог. Противник бросился отступать, оставил в бору сотни раненых и обмороженных солдат.

Когда взошло багровое солнце, то открылось жалкое зрелище. Вражеские солдаты шли по дороге на Поспелиху, обвязавшись различными тряпками. Они походили на тех французов, которые сто лет назад пытались завоевать Россию. Сотни больных и обмороженных солдат растянулись по дорогам. Две роты, взбунтовавшись, добровольно сдались партизанам. Мечты сибирского правителя рухнули.

...Генерал Евтин с казаками и гусарами отступил в Рубцовку. Здесь он еще пытался собрать силы и повести новое наступление на партизан. Выстроив на площади конные полки, он доказывал казакам, что их неудача временная, что красные все равно будут разбиты.

Но у казаков отпала охота воевать.

— Хватит нас обманывать! — кричали они. — Вы говорили, что это невооруженная шайка, что мы их разобьем, а теперь узнали, что это за шайка.

Генерал стал просить, — а потом рассердился:

— Неповинование власти!

Но и это не помогло. Казаки без команды стали разъезжаться.

— Видно, воля божья, — сказал генерал, осеняя себя крестным знаменем.

На второй день Евтин направился со своим войском в Змеиногорск, где проходила линия казачьих станиц, надеясь там получить поддержку и подкрепление и соединиться с полковником Горбуновым.

После разгрома колчаковцев под Солоновкой партизанские полки повели наступление на Барнаул, Семипалатинск, Змеиногорск, Камень, Славгород и Павлодар.

Со станции Алейская отступали на Барнаул бронепоезд «Сокол» и броневики «Степняк» и «Туркестан». Наткнувшись в Топчихе на сожженный железнодорожный мост, поручик Мерзаков вынужден был сдать бронепоезд партизанам. На бронепоезде появилась надпись «Сокол Мамонтов».

С бронепоезда партизаны открыли огонь по вражеским эшелонам и двум броневикам. Началась невообразимая паника. Сидящие в броневиках офицеры и попы бросились обратно в Алейск, где и были взяты в плен.

В ночь с 10 на 11 декабря 7-й полк «Красных орлов», 1-й Алтайский, 3-й Бутырский полки и Железнодорожный батальон заняли Барнаул.

Овеянные славой шли партизаны по городу, и тысячи жителей радостно приветствовали их.

Так почти сорок лет назад сибирские крестьяне с оружием в руках боролись за Советскую власть. Мощные тракторы, подни-

мая целину, зарыли партизанские окопы. Но в памяти участников те огневые дни никогда не сотрутся. И новое поколение никогда не забудет имена тех, кто боролся за свободу и счастье своего народа.

Июнь 1957 г.

